

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

АНТОН КРАСНОВ

НАСЛЕДНИК.
ПОХОД ПО ЗОВУ КРОВИ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 460

Художник
С. Дудин

Краснов А.
К78 Наследник. Поход по зову крови: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1413-0

Мирок юного Себастьяна очень понятен и незамысловат: здесь, рядом — родной рыбацкий городок, там, чуть дальше — Сеймор, где твердой рукой правит справедливый владетель герцог Корнельский. Ну а где-то там далеко, за мифическими Столпами Мелькуинна, лежит чудовищная Черная Токопилья — прародина зла, где вынашивают свои замыслы братья ордена Рамоникейя.

Но истина оказывается вовсе не такой черно-белой. Особенно когда Себастьян узнает, что много лет назад мудрый правитель Корнельский, тогда звавшийся просто капитаном Бреннаном, привез из тех самых неведомых земель, из самого сердца Токопильи, некий Дар Омута, который стоил жизни почти всей его команде. Юноша еще не знает, что ему предстоит пройти по следу сгинувшей экспедиции. Не знает, что ему суждено поседеть, воочию узрев Столпы Мелькуинна, а затем и узнав, какое зло содержал в себе Дар Омута. Да и ЗЛО ли?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1413-0

© Антон Краснов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

И ни ангелы неба, ни демоны тьмы,
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли...

Эдгар Аллан По

Пролог
ДОЖДЕВЫЕ КАПЛИ ОТ СЕРДЦА

За двадцать лет до основных событий

Белые пенные потоки, шипя, стекали в шпигаты. Корабль, окутанный смутным зеленоватым сиянием, медленно, словно крадучись, пробирался в глубь Старой бухты. Штормовые паруса были спущены, и судно шло на одних стакселях.

Две пары глаз разглядывали его со сдержанным любопытством. Время от времени во взглядах наблюдателей проскальзывала скрытая тревога. Два языка, обычно очень гибкие и способные довести хоть до Столпов Мелькуинна, сейчас ворочались в глотках вяло, медленно, почти бездвиженные предательским вином, вот этим дешевым альтерским пойлом из таверн Сиплого квартала.

— Это шхуна старого Бреннана. Это «Кубок бурь», я уж точно знаю.

— Не может такого и быть, ты, вшивый тупица! Старина Брен давно заслужил право входить в самую Золотую бухту под алым флагом, а не красться вот в эту гнилую лужу под покровом ночи.

— Но это точно его корабль, чтоб мне всю жизнь ходить на четвереньках...

— Смотри, какая у него осадка. Сидит по самую ватерлинию, как это бывает, когда в трюме дубленая кожа или добрая сейморская солонина. Не иначе, торговый. С чего это военному каперу так садиться в воду, как немытой сельской девке в корыто? Это торговый корабль.

— Ты ослеп, Ялинек? Какой торговый? Ты что, не ви-

дишь, что у него пушечных портов больше, чем у тебя волос на спине? Но это точно его корабль, накажи меня Илу Серый! Э-э-э... что-то у меня сердце пошаливает... Опрр!

— Тсс! Не ори, как последний пьяница из трактира «Баламут»! Что ты верещишь? Да, вижу... Действительно — пушечные порты... Капитан Бреннан... Но зачем орать, Пшистанек? Не хватало нам того, чтобы сбежалась портовая стража.

— Стража? В этот час, в такую непогоду? Эти бездельники давно уже упились вдрызг. Зачем им тут открывать хотя бы один глаз? Знают, что в такую ночь ни один идиот не объявится на рейде.

— Ну... Капитан Бреннан далеко не идиот.

Пока шел этот замечательный разговор, двухмачтовое судно уже пришвартовалось к пристани. Матросы выбросили за борт простой дощатый трап, который через несколько секунд просел под огромной тяжестью.

Тот, кто заставил согнуться мощные доски, был непомерно высок и массивен. Каспиус Бреннан-старший казался сработанным из двух разнородных частей, совершенно не подходящих одна к другой. Острые черты лица, ястребиный нос, четко очерченные высокие скулы и массивный подбородок были словно изваяны гениальным, но нерадивым и склонным лениться скульптором. Нерадивым — это потому что после создания этого выразительного лица, горе-мастер не удосужился высвободить из каменной глыбы ни шею, ни линию плеч. Ни четко очерченный торс, ни талию.

Голова торчала прямо из туловища. В черных глазах всколыхнулось мягкое матовое пламя, когда капитан Бреннан увидел на пристани закутанную в белый непромокаемый плащ фигуру.

— А это еще кто такой? — зашевелилась неугомонная парочка, сидящая на крыше портового склада.

— Хы-хы! Белый-то плащ? Офицеры из Охранного корпуса короля не привыкли прятаться. Протри глаза, Ялинек.

— Правда, забавно, старина? Личная охрана главы госу-

дарства ошивается по портовым закоулкам, рискуя не вернуться во дворец.

— Посмотрел бы я на кретина, который рискнул бы испачкать эту белую ткань...

— Ну, из-за угла... Мало ли бывало...

Человек, о котором говорили два досужих соглядатая, действительно не счел необходимым скрыть знаки различия Охранного корпуса. В боковых разрезах длинного плаща поблескивали темно-серые узкие сапоги со шпорами. Голову перехватывала темно-синяя повязка с золотым кантом.

Он спросил у капитана Бреннана:

— Привез?

— Как обещал.

— Где?

— С собой. Вез трофей в своем личном сундуке под замком.

— Наверно, все это время тебе снились не слишком приятные сны, капитан, — саркастично ухмыльнулся человек в белом плаще.

Грузный капитан не ответил. За его спиной возник худощавый парень в черно-серой матросской блузе и молча передал ему узел, в котором угадывались контуры небольшого округлого предмета. По прочной ткани расплзались странные белесые пятна, и передавший груз молодой человек мог бы рассказать о характере этих пятен.

Это были кристаллы инея.

Но худощавый парень в матросской блузе так же, как появился, без слова и звука растаял за мощной спиной Бреннана-старшего. Тот, что в белом плаще, принял узел из рук капитана и двумя взмахами тонкого кинжала располосовал заиндеветую ткань.

— Крепко прихватило, — сказал он, беря левой рукой, затянутой в тонкую перчатку, ребристую металлическую капсулу размером с кулак взрослого крупного мужчины. На одном из ребер капсулы стоял причудливый зигзаг и под ним — блеклые письма, похожие на измученных, изувеченных, подползших совсем близко к смерти паучков.

— Крепко прихватило, — повторил человек в белом плаще, поспешно вкладывая предмет в поясную кожаную сумку.

— Этот чертов иней не таял даже тогда, когда в пазах плавилась от пятидесятиградусного зноя смола, — угрюмо отозвался капитан Бреннан. — Ну... Теперь ты.

Посланец вытащил из-под плаща продолговатый жестяной футляр, перехваченный серебряной спиралью, и протянул капитану Бреннану. Тот повертел в пальцах и медленно вытянул из футляра свиток. Несколько дождевых капель тотчас расплылись на плотной желтоватой бумаге.

— Не пачкай королевский герб. Тут все как положено, — с легкой укоризной откликнулся тот, что в белом плаще. — Если нам удастся осуществить задуманное, мы встретимся с тобой в другом месте и при других обстоятельствах. Но расплачиваться с тобой буду уже не я.

Капитан Каспиус Бреннан прищурился:

— Что ты имеешь в виду?

В смехе его собеседника сквозили холодные металлические нотки. Капитан подался назад и мгновенным, едва уловимым для глаза простого смертного движением выхватил короткий морской кортик. Работала только левая рука, сам Бреннан остался недвижим.

Человек в белом плаще покачал головой:

— Да нет, что ты! Я вовсе не имел в виду наемных убийц. Да и какой идиот согласится принять заказ на капитана Каспиуса Бреннана, новую грозу Омута?

Старина Брен облизнул губы и выговорил:

— Грозу... На твоём месте я не стал бы поминать те края так часто. Там совсем другие грозы.

— Хороший каламбур. Хотя ты прав. Ну, ладно... — Человек в белом плаще помедлил, прощупывая сквозь телячью кожу сумки округлый бок капсулы, и все-таки спросил:

— Кто-нибудь остался жив и в своем уме? Одного я видел, того, кто передавал тебе груз. Но одного.

— Ты же знаешь, что экипаж шел со мной на верную смерть. Большинство из них на борту уже нет. В кубрике лежат в гамаках связанными три матроса. Я отдам их в дом

скорби и заплачу за них вступительный взнос, а там уж видно будет.

— Три свихнувшихся матроса — это понятно. Я спрашивал о живых и невредимых.

— Есть один. Мой штурман.

— А, этот самый? Наверно, в дом скорби его не возьмут, — медленно процедил человек со знаками Охранного корпуса. — Раз уж он в здравом уме и твердой памяти. А память — штука беспощадная и хранит в себе то, что лучше бы забыть. Но не получается, а Омут — о, это незабываемо!

— Я просил не говорить так. Тем более что в тех местах более употребительно слово Цитадель.

— Неважно. Память не обмануть. Тебе придется умертвить твоего штурмана. И немедленно.

— Не получится. Это мой сын.

— Вот как? Конечно, это определенно меняет дело, но тогда тебе придется поручиться за него, капитан Бреннан. Впрочем, я думаю, ты уже сделал это.

— Я поручусь за него. Только и ты, почтенный, должен дать мне слово, что не произойдет ничего дурного ни со мной, ни с моим сыном, ни с теми, кто нам близок. Ни мор, ни яд, ни сталь меж ребер... Иначе... иначе — ты меня знаешь.

Тот, что в белом, отвечал с полной серьезностью:

— Как я могу дать такое слово? Такое обещание требуй у судьбы.

— Я и так слишком много ее искушал. И само то, что я вернулся живым и привез тебе то, что ты просил... Из самого сердца Омута...

— Отец, ты обещал спросить у него, что мы везли, — прозвучал голос Бреннана-младшего, и парень в черно-серой блузе снова попался на глаза офицеру Охранного корпуса (или тому, кто в эти белые одежды рядился).

— А ты еще за него поручился, — усмехнулся получатель ледящего пальца груза.

— Я... имел в виду, что мы должны знать, за что рисковали жизнью, за что сложили головы наши люди. — Юноша побледнел и скрипнул зубами. В носу лопнул сосудик, и из

левой ноздри потянулась медленная, тягучая струйка — словно и ее прихватило мертвенным холодом, струящимся от капсулы. — Я не могу...

Капитан Бреннан тяжело задышал. Заколыхался всем своим массивным корпусом, и его здоровенная пятерня оказалась на затылке сына. Он швырнул того на палубу судна, как котенка. Человек в белом плаще невозмутимо следил за его действиями, сложив руки на груди.

— О! Я вижу, ты хорошо за него поручился, — констатировал он.

Бреннан-младший лежал на палубе с разбитым в кровь лицом и даже не пытался подняться. Ему вдруг показалось, что в каждой вене, в каждой артерии его тела вдруг перестала течь живая алая жидкость. Ему почудилось, что она, эта молодая кровь, вдруг стала тяжелой и ядовитой, как ртуть. Медленной, как остывающая равнинная река по осени, — когда текут в нее мутные потоки, подбитые по краям первым льдом. Перед этим ощущением отступила даже острая боль в виске и разорванной щеке.

— Гляди!.. — приподнял голову один из двух соглядатаев. — Блюет! И с морды кровь течет...

— Когда б тебя капитан Каспиус Бреннан так швырнул о шканцы, ты б и вовсе сдох, задница... Пшистанек! Эй, ты, отродье оборотня!

Лицо Пшистанека, широкое, добродушное, покрытое почти бесцветным сероватым пухом, перекосилось. Он поднялся в полный рост и встал на коньке крыши пристанного пакгауза, рискуя обнаружить себя и своего товарища. Он стоял и шатался, хватая влажный воздух перекошенным ртом.

Пшистанек не чувствовал, как дергает его за рукав Ялинек. В пятидесяти шагах от него корчился на палубе Бреннан-младший, и медленно гасло зеленоватое сияние, окутывающее судно. Казалось, его осадка стала еще больше — на локоть, на два, на три. И шипела, шипела у бортов белая вода.

Капитан Каспиус Бреннан был очень храбрым человеком, но он не стал оборачиваться, чтобы увидеть эту белую

воду. Он стоял спиной к бухте и смотрел куда-то поверх плеча того, кто стоял напротив.

В этот момент откуда-то неподалеку, от близлежащих портовых строений, донесся крик — один, хриплый, напитанный скорее удивлением, чем страхом, и вслед за ним второй — теперь уже душераздирающий, полный боли, ужаса и тоски. В косых струях дождя увидел капитан Бреннан маленькую пошатывающуюся фигурку, приближающуюся со стороны старого пакгауза.

Маленький рост, длинные, едва ли не до колен, руки и мокрые мохнатые уши, торчащие из-под отброшенного назад капюшона, неопровержимо свидетельствовали, что на место событий пожаловал представитель самой несносной расы под светлым небом Альгама и Кесаврии — брешкху, или попросту брешак. Его блуза была густо перепачкана в грязи. Так, словно он в ней извалялся нарочно. Это неудивительно, ведь Пшистанек (конечно, это был он) упал с крыши пакгауза в самую грязную портовую лужу.

Он поравнялся с офицером Охранного корпуса, обошел его сбоку на полусогнутых ногах. И вдруг упал. Уже лежа на спине, он поднял руку с растопыренными пальцами и несколько раз попытался ухватить что-то невидимое, незойливое, словно кружащееся прямо над ним. Человек в белом плаще смахнул с края белой одежды несколько ошметков грязи, попавших на него при падении брешака, и произнес:

— Удушье. Не иначе сердечный приступ. Не торопись! — наклонил он голову навстречу капитану Бреннану, стронувшемуся было со своего места. — Ему не помочь.

Рука брешака, зависшая в воздухе, дернулась и упала, как отвалившаяся ветвь старого дерева. Несколько раз дрогнули посиневшие губы. Капитан Каспиус Бреннан сказал:

— Я его знаю. Это Пшистанек из Угурта, он служил у старого барона Армина.

— Как ты их отличаешь? — равнодушно ответил человек в белом плаще. — Для меня все брешаки на одно лицо. Ин-

тересно, что он тут делал. В такую погоду эти ленивые бездельники и носа за порог не высунут.

— Мне уже доводилось видеть, как они умирают вот так, — тихо отозвался капитан Бреннан и, кажется, добавил еще что-то, но громовой развал в бурном небе над пристанью начисто заглушил его слова. А может быть, и не говорил он ничего вовсе. — Брешкху очень чувствительны к разного рода магии и сами, как считается в отдельных кругах, не чураются примитивного колдовства.

— Ты это к чему, капитан?

— Его притянуло сюда то, что я тебе привез. Я уверен в этом. И это должно быть что-то запредельное, если у этого бодряка-брешака, который мог в жару выпить самую жуткую бормотуху, какие-нибудь двадцать кружек крепкого и мутного боррского эля... вдруг разорвалось сердце.

— Да, это оно, — подтвердил его собеседник. — Это сердце. Молись, чтобы оно не подвело и тебя!

Он огладил кончиками пальцев сумку, утонувшую в складках плаща и хранящую в себе капсулу из Омута. Закрыв глаза. Если бы так не текло с небес, то капитан Каспиус Бреннан увидел бы, как на лбу посланца густо выступает пот. Если бы не поднимающийся от воды туман, который на глазах становился все более густым, капитан Бреннан разглядел бы, что бесстрашный офицер Охранного корпуса короля боится не меньше.

Человек в белом вскинул обе руки. Он направил раскрытые ладони на «Кубок бурь», и борта судна затрещали.

Заскрипела и прогнулась палуба. Натянулся и, крикнув, на высокой ноте лопнул фал, и полотнище стакселя заметалось под ветром, избивая мачту и реи.

— У тебя на борту оставался и другой груз... — пробормотал встречающий.

Судно разом вырвалось из воды, изменив осадку на несколько локтей — словно неподъемный и опасный груз, лежавший где-то там, в трюме, под кожами и брезентом, в один присест сбросили за борт. Человек в белом широко расставил ноги. Его качнуло, и он мог упасть прямо на тело бедняги Пшистанека, но удержался.

— Прощай, капитан, — наконец сказал он и удалился широкими неверными шагами, слегка подволакивая левую ногу. Это совсем не походило на ту горделивую поступь, которую явил он при своем появлении в этом глухом и унылом месте, не подобающем воину из лейб-гвардии короля...

Капитан Бреннан присел на корточки рядом с телом брешака Пшистанека и, вытянув из рукава булькающую кожаную флягу, сделал два отчаянных глотка. Его черные глаза быстро помутнели. Его окровавленный сын перепрыгнул с борта шхуны, облегчившейся столь стремительно и странно, и склонился над отцом и над трупом случайного свидетеля:

— Отец?! Как ты? Судно как будто на пару тысяч стормов облегчилось!..

— Мне-то что, — не поднимая лица, глухо откликнулся капитан Бреннан. — А вот ты запомни этот день. Потому что, чую я, тебе еще придется вернуться.

— Куда?

— Туда, откуда мы привезли этот груз. В Цитадель, за Столпы Мелькуинна. А может, и еще дальше. — Капитан Бреннан опустошил флягу и, швырнув ее наземь, повторил:

— А может, и еще дальше...

Нет нужды говорить, что второй свидетель этой встречи на пристани, брешак по имени Ялинек, уже был далеко: он драпал со всех ног, его прыти не умерило и то, что он упал уже дважды, разбил оба колена, а также вывихнул руку. Он добежал до своей каморки и, упав на топчан, накрылся с головой тяжелым колючим одеялом. Болела рука, мучительно ныли колени...

«Это что! Счастье, что они не добрались до сердца», — успел подумать Ялинек и потерял сознание.

Часть первая

ДЕТИ НАДЕЖДЫ

Знание — огромный гнет. Готов ли ты взять на себя сверх того, что можешь снести?

*Из Государственной Иерархии знаний
тайных и явных (надпись на корпусе
Королевской библиотеки Альгама и Кесаврии)*

Глава 1

ЛЮБОПЫТСТВО С ПРИВКУСОМ КРОВИ

За четыре года до основных событий

- Тише, — сказал первый.
- Что ты орешь? Тише! — прервал его второй.
- Ну так я сам и сказал... тише!
- Вот и я говорю.

Темная тропа, мягкая, узкая, сама угодливо стелилась под детские стопы.

— Мальчики, давайте остановимся, передохнем, — вступил третий, совсем тонкий голос. Судя по всему, принадлежавший девочке.

— Вот оно, старое дерево. Нужно обойти вокруг него три раза против солнца.

— Но солнца не видно!

— А ты что, не знаешь, как и в какую сторону оно ходит по небосклону?

— Считаем круги!

Три фигурки выстроились в ряд.

— Раз!

Огромная крона дерева растрепалась под порывом ветра.

— Два!

Заскрипели под чьей-то ступней сухие сучья.

— Три!

— Ничего не изменилось, — сказала девочка. — Это правда работает?

— Кажется, стало заметно холоднее... — после повисшей паузы проговорил первый. — Да, правда. Жи-Ру не врал...

— А скоро мы увидим этих... ваших... которых ты выдумал? — быстро спросил второй.

— Если ты думаешь, что я шутил, когда говорил о сурриkenaх, то ты ошибаешься, — после небольшой паузы сказал первый.

— Очень я испугался каких-то там... страшилищ-недоростков! — Второй воодушевился и подпрыгнул. — Их, наверно, и на свете не существует, а так, рассказы... Хотя... Хотелось бы уже повстречаться с... Кхм... Там, наверно, и кроме этих твоих суррикенов чудес хватает. Мне тут рассказывал один бывалый мореход, что Малая башня изнутри на самом деле огромная, как если бы ее надули, а снаружи не было видно, — продолжал второй, явно стараясь произвести впечатление на девочку, прислонившуюся к морщинистому древесному стволу. Та прижала рукой взлетевшие от ветра волосы и повязала их ленточкой. — И этот... э-э-э... старый корабел, который на своем веку понюхал все соленые ветра, сказал, что тут, в Малой, водятся чудовища из Омута.

— Да ну? Прямо из Омута? — насмешливо уточнил первый мальчик. В его голосе звучали иронические нотки. — Вот так прямо из самого из Омута?

— Ага! — хвастливо подтвердил второй и выкатил грудь.

— А, часом, эти чудовища не из «Баламута», а? Таверны, в которую время от времени заглядывает твой добрый мореход? В последний раз, когда опекун Армин уезжал в город по делам, твой старый корабел, кажется, загремел именно в «Баламут», да? В тот трактир, где вместо вывески — скелет одного из постоянных посетителей? Этот твой морепродукт там так набрался... опыта дальних странствий, что его потом втроем на телегу грузили.

— Что? Ты думаешь, что мне рассказывал... повар Жи-Ру? Он? Так, что ли? — снова петушком подскочил

хвастливый второй. Впрочем, даже в прыжке он, приземистый и кривоногий, доставал первому разе что до груди.

— Ну а кто же еще? — пожал плечами ироничный. — Владетель Корнельский? Нет! Его доверенный ланзаат¹, кесаврийский ученый маг Астуан Пятый? Да боже упаси! Или хотя бы добродетельный барон Армин, мой добрый опекун? Ни в коем случае. Значит, пузатый болтун Жи-Ру. Больше некому...

— Мальчики, хватит ссориться, — подала голос девочка и высвободила свою точеную фигурку из грузной тени старого дерева. — Мы обошли вокруг ствола три раза против хода солнца. Вы же говорили, что иначе нам не попасть на Язык Оборотня. И что? Мы пойдем к башне или нет? Или вы, может быть, боитесь?

Высокий и ироничный промолчал, лишь заломил кисти в запястьях до легкого хруста в одном из них. Девочка вздрогнула. Маленький и хорохористый подпрыгнул, как укушенный. Он заговорил так быстро, словно опасался, что его перебьют и уже больше не дадут взять слово никогда:

— Разве вам неизвестно, что я наполовину брешкху? Наша раса никогда ничего не боится. Мы можем только... э-э-э... любопытствовать. Любопытствовать и предполагать, что же будет дальше. Вот и все. Какой там еще страх? Знать такого не знаю! Да идем! Уверен, что если мы встретим там порождение Омута, которому надоело сидеть в толще воды и которое решило обосноваться на суше... то... то... — Он лихорадочно подбирал слова и наконец нашел: — ...то мне будет, что ему с-сказать!

— В этом я несколько не сомневаюсь, — улыбнулся первый. — Ну, пошли, что ли... До моря еще шагов сто.

Когда они преодолели еще полсотни шагов и вышли на косогор, то увидели то, что искали: башню.

Малая Астуанская башня располагалась на высоком обрывистом полуострове, который господствовал над большим заливом, уютно чувствуя себя там, как язык в пасти. С одной стороны этот залив ограничивала гряда острых, опасных, изъеденных солью скал; с другой стороны берега

¹ Л а н з а а т — ученый маг Алой сотни с королевской лицензией.

имели принципиально иной характер, и накатывавшие волны разбивались о влажный, покаты́й и дружелюбный, как лоб внуха, глинистый массив.

Полуостров, на котором высилась Малая Астуанская башня, носил неласковое название — Язык Оборотня. Язык тот был шершавым, глыбистым и придавленным у самого основания древней каменной стеной с бойницами, с большими коваными воротами. Эта преграда стояла на пути каждого, кто умудрился дойти до этого места. Знатоки утверждали, что та стена в пять локтей толщиной, перевитая ядовитым плющом и незыблемая вот уже несколько веков, не первое, не последнее и далеко не самое серьезное препятствие на пути любопытствующих узнать, что же там такое деется в Малой башне...

Любопытным, сунувшимся на опасную тропу к башне, на троих было примерно столько же лет, сколько собачьим головам на решетке ворот — литым барельефам, которые установил предыдущий хозяин. Это было примерно полвека назад...

— К воротам не пойдем, — сказал маленький брешак. — Лучше перемахнем через стену. Я знаю одно место... Пролом.

— Я тоже его знаю.

— Мальчики, ведите уж... А то пока даже и не страшно. Я, правда, ни разу тут не была.

— Да мы сами тут всего третий раз. И, кроме нас, тут никто из нашего городка и не бывал.

— А Жи-Ру?

— Ну, еще он... Может, еще кто-нибудь, — нехотя признал высокий паренек. — Тебе точно не страшно?

— Нет, — несмело отозвалась девочка.

— Страшно и не будет, — влез низенький. — А нам, брешакам, страх вообще неведом. Правда, мне он неведом наполовину... я же полукровка...

Бормоча это, маленький болтун приблизился к выщербленной серой стене высотой в девять или десять его ростов. У ее подножия недружелюбно молчала тьма. Под редкими порывами ветра выхватывались из этой тьмы ветки разла-

пистого кустарника, похожие на руки утопающих. И снова исчезали.

Сощурившись, маленький хвостун смотрел на жалкий серпик луны.

— Освещение сегодня не очень... Хорошо, что мы, брешаки, хорошо видим в темноте... Но я ведь полукровка... и...

Высокий молча пошел вдоль стены и наконец оказался возле едва заметного пролома, затянутого паутиной и густо заросшего колючим кустарником. Два взмаха узкого и изогнутого, как молоденькая луна, ножа — и открылся лаз. Оттуда пахло сыростью, мхом и смертью.

Обоняние не обмануло высокого: он поднял жестяную створку маленького фонаря и в зыблющемся желтом свете увидел труп какого-то животного, похожего на ящерицу-переростка. У основания острого гребня зияла глубокая рана, в которой кишели паразиты.

— Суррикен...

Девочка сдавленно вскрикнула.

— Рано, — пробормотал маленький брешак, — рано кричишь. Вот когда очутимся в башне — тогда... А это... Это кто?

— Эта тварь называется гребенчатый калидекстр... — отозвался высокий. — Только очень маленький какой-то. Я читал, что эти твари высотой в три человеческих роста.

— Ага. Калидекстр. Ну да. Точно! — Маленький хлопнул себя ладонью по лбу, как будто только что вспомнил имя хорошего знакомого. — Мне что-то рассказывал повар Жи-Ру... Хотя при этом он всегда говорил, что этих... как их... ка-ли-декстров не существует в природе... Что это... вр-р-р... бабкины сказки... Или что-то наподобие. Или не Жи-Ру говорил...

Тем временем высокий подросток рывком вытащил труп животного из пролома и, оттащив в яму, забросал ветками.

— Все. Можно идти, — сказал он.

Девочка колебалась и кусала губы.

— Да что вы? Мы еще можем вернуться домой, где тепло

и вкусно, и поиграть в шары, что ли, — сказал высокий с едва ощутимой насмешкой в голосе. — Точнее, вы...

— Идем... — прошептала она и неожиданно для самой себя первой проскользнула в лаз. Нестерпимое зловоние шибануло в нос и перехватило дыхание, голые девичьи щиколотки обняла какая-то жижа. Но уже через три биения сердца ошалевшая от собственной смелости девчонка вырвалась на вольный воздух по ту сторону стены.

Через несколько мгновений все трое стояли в начале длинной аллеи, засаженной рододендронами и акациями. Нежный их аромат разительно контрастировал с миазмами лаза и щекотал ноздри.

Маленький брешак смешно сморщил нос и чихнул.

Аллея упиралась в фонтан, обнесенный высоким, почти в рост взрослого человека, каменным бортиком. Над кругом фонтана возносилось тусклое серебро водяных струй. Сотню шагов до каменного сооружения трое любопытных подростков прошли на цыпочках — так, как будто боялись потревожить чей-то покой. Они переглядывались. Они обменивались взглядами, в которых сквозили немые вопросы:

«Кто там шуршит в кустах?»

«Тебе лучше не думать об этом. Тебе лучше не знать этого, девочка».

«А, эти суррикены, чудовища-недомерки, которых вы обещали мне, мальчики?..»

«Мы уже видели одного, совсем маленького, совсем неудачливого. Мне показалось, что тебе вполне хватило...»

Шаг за шагом они приближались к башне. Вот миновали фонтан. Вода в нем кипела, и сноп брызг лег на лицо маленького брешака, когда он запрыгнул на бортик фонтана. «А ты действительно ничего не боишься?..» — донеслись до него слова его высокого спутника, и в тот же самый момент из черной воды, из свившегося тугими жгутами водоворота рванулась прямо к мокрой мордочке маленького нахала отвратительная змеевидная голова на лаковой шее. Брешак смотрел в немигающие мертвые глаза гада, на серебристый белый треугольник на горле прямо под нижней челюстью.

Тварь ослабилась. С клыков текла тягучая желтая жид-

кость. Завороженный, глазел на нее маленький путешественник.

Высокий рванулся и одним движением столкнул незадачливого брешака с ограждения фонтана.

— А-а-а-а!.. — начал было тот, но тотчас же его рот был запечатан узкой ладонью высокого.

Тварь поднялась над контуром бортика. Она уже перегибалась через него, показывая покатые плечи и прижатые к груди когтистые лапы, с которых капала слизь.

Девочка застыла на месте. Она, впрочем, не успела даже испугаться, потому что змеевидная голова чудовища качнулась назад и исчезла. До ушей подростков долетел сухой и хлесткий звук, похожий на тот, с каким ломается под ногой мертвая ветвь.

Плеснула в фонтане вода. Высокий негромко произнес:

— Он, наверно, испугался нас больше, чем мы его...

— Да ну?!

— Я точно говорю. Суррикен.

— Я не о том... Оно-то, может быть, и испугалось, а вот я и не думал бояться! — запальчиво возражал кому-то маленький. — А надо вам сказать, что мы, брешаки, не можем... Мы никогда не боимся...

Хвастуна не стали даже дослушивать. Инцидент с чудовищем из фонтана стал той последней каплей, после которой страх становится утомителен и постыден. Подросткам, попавшим на Язык Оборотня, надоело бояться.

Так что весь следующий путь через сад, за кронами деревьев которого виднелся громоздкий серый массив Малой башни, занял лишь пару минут. Это время было бы и еще меньше, не наткнись хвастливый брешкху-полукровка на хищное растение, стреляющее маслянистыми иглами и хватающее за запястья длинными колючими побегими.

Впрочем, высокий двумя энергичными движениями освободил своего незадачливого собрата. С его тонких пальцев сыпалась серая пыльца, похожая на пепел.

Брешак деловито отряхнулся. На разодранных руках атели длинные неглубокие порезы.

— Это что! — бодреньким голосом заявил он. — Вот если

бы нам попалась стоглаз-трава, тогда было бы плохо. Это любимый цветок Предрассветных братьев. Я слышал, что если глядеть на лепестки стоглаза дольше, чем пять ударов сердца, то ты станешь рабом ордена... Ры... Ро...

— Ну это-то точно чушь. Стоглаз!

— Ра... Рры... ма.... — не оставлял своих попыток брешак.

— Рамоникейя, — тихо выговорил высокий. — Мне шепотом рассказывали, что Предрассветные братья собраны в орден Рамоникейя, что в Черной Токопилье. И потому совершенно необязательно упоминать их вот здесь...

— А что будет?

«Ты лучше спроси, что было бы, если б меня с вами не случилось, дурень!» — мгновенно родился ответ, но ни единого звука не слетело с губ высокого паренька. Он шагнул в густые заросли плюща, нагло лезущего в лицо, и через несколько мгновений коснулся ладонями отвесной стены. У самой земли она поросла мхом, эта старая стена, по ней раскинулась сеточка тонких трещин и проступили белесые соленые пятна. Но все равно от нее веяло чем-то грозным, как от сомкнутых до поры глаз сторожевого чудовища.

Из кустов, сопя, вышел брешак. За его спиной вынырнуло бледное, но заинтересованное лицо девочки.

— Мы полезем по этой стене? Я слышала, есть заклинание, которое позволяет, как паучок, взбираться... и...

— Никаких заклинаний не существует, — перебил ее высокий. — Мы взойдем наверх и так, без этих ваших!.. Главное, держитесь за мной. Смотрите только на меня. Не по сторонам, не назад — только на меня!

Стена плюща вдруг затрепетала за спинами подростков и вздулась пузырем. Один за другим лопались стебли. Маленькому брешаку показалось, что теплая волна чьего-то натруженного, бесшумного, напитанного запахами сырого и чуть подгнившего мяса дыхания коснулась его шеи, дотянулась до его мокрой спины.

— Я же сказал: не оглядывайся!.. — донеслось до него злое шипение высокого. — А ты на первом же шаге не слушаешь!

Осадив своего маленького хвастливого товарища, высокий искатель приключений извлек из кармана, размотал и ловко закинул на башенный выступ узловатую снасть, к которой был привязан трехглавый крюк.

Царапнуло по древнему камню молодое железо. Веревка с узлами дернулась несколько раз и натянулась.

С удивительной легкостью паренек вскарабкался по отвесной стене и оказался на узком выступе, который огибал первый уровень башни.

Маленький брешак также проявил сноровку. Внизу осталась одна девочка:

— Мальчики...

Высокий стиснул зубы, удерживая слова, готовые вот-вот вырваться на свободу и окончательно растревожить ночь, смыкающуюся над головами.

Непоправимого не случилось. Все трое успешно оказались между зубцов каменной стены, примыкающей к древнему донжону. Маленький брешак не вытерпел и все-таки заглянул себе за спину, туда, в бойницу верхнего яруса, откуда открывался вид на темный сад с каменным фонтаном. Он успел увидеть несколько цепочек огоньков. Ему почудились снопы бледного света, вытягивающегося из хищного кустарника... Красные точки, попарно вонзающиеся в полумрак.

Рука его высокого спутника сорвала брешака с облюбованной позиции.

— Я же тебе говорил!

Но в этот вечер в Малой Астуанской башне говорил не он один.

Если бы эти трое только могли представить, какие последствия возымеет эта естественная юношеская потребность — проникнуть туда, куда не зовут. Туда, куда запрещено. Куда не попасть напрямую, просто идя по тропинке. О, если бы трое подростков знали, кто собрался тут, в темном, гулком зале на втором ярусе главной башни! Если бы подозревали, чьи голоса будут разлетаться по углам, чьи тени будет замороженно вбирать тьма...

Но довольно. Тут был хозяин всех земель от побережья до Тысячелетней реки Тертеи — владетель Корнельский. Тут был кесаврийский маг Астуан V, держатель Алой сотни, самое имя которого произносилось шепотом между ударами сердца. Тут был лорд-протектор Охранного корпуса, глава королевской гвардии, знаменитый сэр Милькхэм Малюддо.

С менестрельских хоров, куда пробрались не в меру любопытные юнцы, было отлично видно и огромный дубовый стол с возвышением, за которым сидели четверо мужчин; и большой камин с алыми угольями, с которых стекало ленивое пламя. И брошенные наземь серые дорожные накидки, и стоявший у камина массивный желтый котел. Пустой, как высохший череп с отсеченной крышкой.

Владетель Корнельский был мрачен. Его собственный череп гудел как растревоженный улей. Время от времени грузный аристократ проводил всей пятерней по влажному лбу. На виске билась натруженная синеватая жилка, похожая на издохшего червяка. До него доносились негромкие слова Астуана, которые, впрочем, предназначались не ему:

— Катастрофа ближе, чем мы думаем. И мы пока не знаем, что делать. На этот раз нас ожидает не прямое противостояние, не война с открытым забралом. Мы даже не знаем, в глаза каких исчадий Омута нам нужно будет взглянуть, чтобы не допустить катастрофы.

— В самом деле? Вы же говорили, что все расчеты дают почти вековой резерв, — возник звучный баритон. Он принадлежал четвертому из собравшихся в пустом зале Малой башни.

— Ну... Это были не те расчеты. Тем более все наши люди, в частности ученые Алой сотни, знали, что цифры лгут, — сказал Астуан. Его высокие, четко очерченные скулы дрогнули. — Это говорилось только для одних ушей — вашего великого отца. Он должен был уйти в мир иной со спокойной душой. Без ощущения смертельной тревоги за державу.

— У него было достаточно других ощущений, ставших смертельными!

— Все это так. Но тем не менее... Мы должны искать пути к спасению. И нам давно известен один такой. Очень просто. Я говорю о Даре Омута. Его пора задействовать: время пришло.

Перед мысленным взором владетеля Корнельского вдруг колыхнулась стена дождя — того мутного, назойливого, много лет назад выстилавшего окна корабельной каюты мучительным серым бархатом. Дождя, который шел, когда герцог еще не носил громкого титула и был просто капитаном Каспиусом Бреннаном-старшим. Пальцы занули от холода, казалось, так и не выцедившегося из суставов за истекшие пятнадцать лет. Та ампула, покрытая инеем... Пенный «Кубок бурь», борта, трещавшие от неведомой и чудовищной тяжести вещи, привезенной из самого сердца погибели...

— Неужели все вот так? — снова взлетел высокий баритон, и вслед за ним вскочил и его обладатель. — Герцог, а вы...

— Да, государь. Все так, — отозвался владетель Корнельский и вытер пот прямо рукавом пыльного дорожного камзола. — Все так и есть.

Государь!

На менестрельских хорах съежились трое. Замерли, припав к полу, к теплой тесаной древесине, боясь и вздохнуть. Высокий паренек, впрочем, нашел щель в разошедшемся сплошном ограждении, обводящем зал поверху, но увидел только коротко остриженный затылок и спину человека, сначала нависшего над столом и тремя сидевшими за ним мужчинами, а потом выпрямившегося во весь рост. Того, кто только что был назван государем. Короля Альгама и Кесаврии, жизнетворного Руфа-Альвуса IV Шеппиана, взошедшего на престол не более полугода назад.

Между тем, невольно повинувшись порыву короля, поднялись и трое его собеседников. Владетель Корнельский, громадный, грузный, оказался почти на голову выше далеко не самого малорослого монарха.

Он произнес:

— Я не должен говорить подобного монарху, но молчать

еще преступнее. Вы многого не знаете, сир. Вы просто не успели узнать это многое. Конечно, вы слышали о Столпах Мелькуинна и Покрове?

— Только то, что это строжайшая государственная тайна, вникать в которую не следует, чтобы не потерять голову, — резко ответил Руф. — Конечно, это не касается меня, но я решил не выбиваться из общего ряда. Тем более что я всегда считал, что это этакий забавный анахронизм. Этакая условность, сродни той байке, что король Альгама и Кесаврии умеет исцелять насморк одним прикосновением к переносице... Так что я не верю и не воспринимаю сказки из бабушкиных сундуков.

— А придется, — негромко обронил Астуан. — Сэр Милькхэм, покажи его величеству, что будет, если действие Покрова ослабнет или оборвется вовсе... Покажи, что будет, если жизнетворная сила Столпов обратится в тлен!

Лорд-протектор Охранного корпуса шагнул к желтому котлу, стоявшему у камина.

Он вытянул перед собой руку, словно в раздумье разглядывая длинные, унизанные перстнями пальцы. Крепко сжал челюсти, обнажив два ряда крупных желтоватых зубов, и сунул руку в пустой котел. Раздалось хищное шипение, словно плеснули масла на раскаленный металл — и тотчас плоть начала ворочаться, вздвухаться крупными пузырями, как перегретая каша над жарким огнем. Рука сэра Милькхэма Малюддо задрожала... и вдруг большой кусок мяса из предплечья оторвался и упал в котел, открывая большую кровавую рану. Кровь пенилась, она не текла ручьем, а вспухала большими пузырями и падала, увлекая за собой все новые и новые куски плоти. Затрещали кости. Обнажившаяся лучевая кость руки и фаланги кисти потемнели и вдруг стали выгибаться, одновременно удлиняясь.

С губ сэра Милькхэма Малюддо сорвался короткий стон. Астуан кивнул, и тотчас же глава Охранного корпуса вырвал изуродованную руку из чудовищного котла. Деформированные кости стали принимать свои обычные очертания. Буйно нарастала и покрывалась новой кожей плоть.

Через минуту мощная рука сэра Милькхэма приобрела прежнюю форму.

— Унеси меня черный Илу-Март! Что все это значит? — медленно выговорил король Руф. — Но это же невозможно! Иерархия знаний тайных и явных запрещает даже думать, что подобное возможно!

— Ну не королю же!

— Я, конечно, догадываюсь, в чем дело... но...

— Храбрый сэр Милькхэм только что показал вам действие так называемого Котла лжи, выполненного из особого материала, привезенного из Столпов. Внутри этого котла и совсем немного над ним не властно защитное влияние Покрова. Вы понимаете?

— И что же... — тихо, не разжимая скрипнувших зубов, промолвил король. — И что же, скоро вот так же будет... под открытым небом? Только без возможности вернуться к первоначальному виду?

— Да, — отозвался Астуан V. — И не иначе. Не забывайте к тому же, государь, что полоска земли, на которой мы находимся, это дивное и тайное место, куда все мы приехали в поисках суровых ответов, именуется Языком Оборотня. Это всего лишь красивое название, но я считаю, что никаких совпадений в нашей жизни не существует и не должно существовать. Герцог Корнельский, мне кажется, что нам действительно пора прибегнуть к силе главного Дара. Что скажете, господа?

На лице сэра Милькхэма появилось едва заметное недоумение. Владетель Корнельский же сухо ответил:

— Мне кажется, сейчас это преждевременно. Нужно выждать. Еще бы несколько лет...

— Нам и так потребуется несколько лет, чтобы осуществить задуманное. Наше счастье, что мне в свое время удалось правильно применить Дар Омута. Не с первого раза, конечно... Сейчас все идет своим чередом, и нельзя резко менять правила этой опасной игры, как справедливо заметил герцог.

— Подождите!.. Пойдите! — раскатисто крикнул король, и каждый смог оценить мощь государевой глотки, в

том числе и те, кто таился за балюстрадой на пыльных местрельских хорах. — Не заставляйте меня чувствовать себя дураком! Я должен уяснить, о чем идет речь!

Массивное лицо владельца Корнельского дрогнуло. Он медленно склонился перед бледным, растрепанным Руфом и осторожно проговорил:

— Мы не можем и помыслить о том, чтобы ставить вас в двусмысленное положение, ваше величество. Мы же не враги ни государству, ни себе...

Он не успел договорить. Маленький брешак, притаившийся на хорах, вдруг почувствовал, что фрагмент старинной балюстрады с балясиной, на которую опирался незванный гость, начинает просаживаться, неотвратимо вываливаясь наружу.

Послышался негромкий треск. В нос подростка шибанула струя рыжей прелой трухи. Он смешно сморщился и, тряся головой и судорожно закрывая лицо руками, все-таки чихнул.

Владелец Корнельский поперхнулся на полуслове — словно и до него достал выброс рыжей трухи, забил глотку, шершаво осел в ноздрах. Он оскалил зубы и вскинул голову к хорам.

Именно в этот момент два пролета балюстрады вместе с переломившимися балясинами рухнули вниз, в зал, где собрались важные персоны. Собрались, как полагали они сами, втайне от всего мира.

Изогнутая лента деревянного пролета криво вспорола покров этой тайны. И обрушилась на темный паркет, разваливаясь на части. Чихая удушающей рыжей, ржавой пылью.

— Что такое? — разом прогремели несколько голосов, а высокий баритон прибавил еще и незамысловатое проклятие.

Сэр Милькхэм вскочил прямо на стол, за которым восседали еще секунду назад его высокопоставленные собеседники. С легким шипением высвободился и сверкнул в его быстрых руках металл. Глава Охранного корпуса выбросил перед собой узкое серебристое дуло «серпантина»,

и с него сорвалась короткая белая вспышка. Одна, и другая, и третья.

Двумя выстрелами сорвало еще один фрагмент и без того шербоатой балюстрады; во все стороны брызнули щепки, и маленький брешак охнул, почувствовав, как кольнуло в правом предплечье и рукав стал темнеть, набухая от крови.

— Бежим!

— Взять!!

Эти два возгласа, один тихий и хриплый, второй с чугунными нотками истового гнева, прозвучали одновременно. Высокий паренек, одним движением смахнув кровь с распоротой щеки, с силой толкнул сначала девочку, а потом брешака. Оба скатились в лаз, через который, собственно, они и пробрались в башню. Сэр Милькхэм выстрелил в четвертый раз. Он был почти уверен, что последний заряд ушел точно в цель: наверху метнулась и, переламываясь, пропала длинная нескладная тень.

Менестрельские хоры опустели.

Король Альгама и Кесаврии, бледный, насупленный, вслед за начальником своей охраны запрыгнул на стол и, задрав голову, взглянул на развороченные хоры. Замешательство во взгляде уже отступило: Руф выглядел сосредоточенным и готовым к отпору.

— Ушли?

— Не уйдут, — коротко ответил сэр Милькхэм. Его массивный корпус качнуло взад-вперед, и он взмыл вверх, туда, где на высоте роста четырех взрослых мужчин покоилась старинная люстра о пятидесяти свечах, кованная в виде многорукого чудовища. Глава Охранного корпуса ухватился за одно из бронзовых щупалец, раскачался и перемахнул на хоры.

Задрожали, запрыгали огоньки в лапах многорукой люстры. Вырвалась одна из свечей и полетела вниз; и тут в древнем потолке, хранящем на себе следы многовековой копоти, что-то хрустнуло. Уже прадеды тех, кто собрался сейчас под огнем бронзового чудовища, не знали и знать не могли, что под толстым слоем этой копоти — древняя фреска: голубое, глубокое небо, и парит в этом небе невообрази-

мо изящное перьевое облако. В форме то ли птичьего крыла, то ли изящной дамской прически.

И вот это черное, испакощенное небо — расколосось.

Раскачивающаяся тяжелая люстра сорвалась с блока — а может, попросту разъялось одно из звеньев подвесной цепи. Огни вытянулись светящимися змейками, затрещали свечи, и тяжеленная железная конструкция грянулась оземь.

Она едва не накрыла с головой владельца Корнельского. Если бы тучный герцог не проявил в последний момент легконогую мальчишескую прыть и не отскочил, как ошпаренный кипятком поваренок, то быть ему пронзенным этими черными, твердыми щупальцами, на конце каждого из которых раскрывался чеканный глаз.

Но получилось еще хуже.

Люстра врезалась в пол и, подпрыгнув, опрокинула и расколола Котел лжи.

Из желтого зева массивной посуды стали медленно, как кольца просыпающегося удава, вытягиваться прихотливые клубы дыма. Нежного, мягко опалесцирующего жемчужного дыма. Когда его увидел владелец Корнельский, у него задрожала челюсть. Зубы выбили судорожную короткую дробь.

Сверху, с хоров, глядел сэр Милькхэм Малюддо. Он видел нежный дым, его маслянистые кремовые переливы и проступающие под ним голые, мучительно вытягивающиеся кости людей...

Первых людей страны.

Трое любопытных убегали, не чуя ног. А в случае с маленьким брешаком — еще и рук: правая кисть онемела и обильно кровоточила, и высокий буквально на бегу перетянул ее обрывком ткани.

Вот это был бег! В голову не лезли назойливые мысли о том, что в саду, кишасщем шепотками и тенями, бродят эти чертовы суррикены Малой Астуанской... Что где-то в водах фонтана сидит та тварь... Что нельзя глазеть по сторонам и

даже на мгновение замедляться, чтобы восстановить дыхание хотя бы немного...

Но самое страшное было еще впереди.

Троица проскочила аллею и уже приближалась к ограде, в проломе которой лежал тот мертвый суррикен... Они не оглядывались, и потому никто из них не увидел, как над садом задрожало туманное облачко. Оно потяжелело, разрастаясь и наливаясь изнутри нездоровым фиолетовым сиянием. Тусклые отблески этого сияния упали на каменную ограду.

И тогда трое все-таки обернулись. Все разом — забыв о запретах и повинуюсь единому для всех волевому импульсу.

Туча, уже закрывшая собой добрую треть сада, задрожала. Затрепетали ее белые пенные прожилки, несколько липких зеленоватых капель попали на бледные детские лица. Брюхо тучи распоролось, и вывалилась из нее громадная, подтекающая размытыми багровыми полутенями морда. По сравнению с этой чудовищной тварью тот змей из бассейна показался бы маленькой ящерицей, поднявшейся погреться на камни...

Два глаза. Темно-красные глазные яблоки были рассечены узкими вертикальными зрачками, золотыми, как серп молодой луны.

Липкий страх парализовал всех троих. Им показалось, что разом смолкли все звуки, что застыли листья сада, словно пришипленные к невидимому контуру. Гигантская башка склонялась все ниже, и уже можно было оценить поистине колоссальные размеры твари. Высокому показалось, что из двух ноздрей чудовища исходит зеленоватый дымок. Станный слабый запах дошел до подростка, и он вдруг очнулся, выпал из губительного оцепенения. Он развернулся, перехватывая обоих своих спутников, и поволок их в пролом.

Золотые зрачки твари дрогнули, искривляясь подобно месяцу. Однако это стало единственным движением чудовища. Неподвижное, оно наблюдало за тем, как подростки исчезали во тьме у подножия каменной стены. Впрочем, еще не перестали шевелиться верхушки кустов, потрево-

женных беглецами, как чудовищная голова начала втягиваться в грузную, просевшую почти до верхушек садовых деревьев тучу.

Впрочем, этого они уже не видели. Трое любопытных нашли себя на берегу бухты, далеко оставив за собой Язык Оборотня. Бока ходили ходуном. Маленький брешак клал зубами — не столько от страха, сколько от слабости. Высокий паренек провел по щеке, и кончик пальца легко ушел внутрь и коснулся зубов.

— Насквозь, — констатировал тот. — Да еще так удачно. Еще немного, и быть бы мне без челюсти.

— Еще немного, и быть бы всем нам без головы!

— Аннабель, как ты? — быстро спросил высокий.

Девочка подняла голову. В ее больших глазах отразилась гладь залива, зарябившая под порывом ветра. Луна задрожала на воде, покачиваясь, удваиваясь; и почудилось всем им, будто глянуло из глубины бухты кровавое око Зверя о двух золотых зрачках.

Косо, свирепо взрезали эти серповидные зрачки лоно вод.

— Что... что это было? — пробормотала Аннабель и коснулась рукой плеча высокого паренька. — Что это было, Себастьян?

Тот глубоко вздохнул, помассировал виски и наконец ответил очень серьезно:

— Такого не бывает, все это блажь и иллюзия, насланная из чуждых земель. По крайней мере, такой заученной фразой ответил бы мне мой наставник. А повар Жи-Ру, на которого так любит ссылаться Ржига, — он махнул рукой в сторону маленького брешака, который, сопя и морщась, тыкал в повязку здоровой рукой, — так и вовсе привел бы какую-нибудь байку с упоминанием рецепта, как и с какими приправами надо готовить вот этого Зверя... Ладно! — выдохнул он. — Я все равно узнаю, что это за тварь и отчего она не тронула нас. Даже если окажется, что таких чудовищ нет и не может быть и что нам нужно просто проглотить пилюлю и забыть...

— Мне рассказывали, что в баронской библиотеке есть

книга, которую читал... мой дядя Ялинек... — начал было Ржига, и пушок на его голове растрепался и вздыбился.

— Я думаю, едва ли кому-то из тех, кого мы знаем, доводилось слышать о Золотом Зрачке, — уверенно прервал его Себастьян. — Но я все равно узнаю. Даже если ради этого придется заглянуть туда, где рождаются прародители зла.

С надеждой и тревогой вглядывалась в его бледное лицо Аннабель. Продолжала свой тягучий танец на воде молодая луна.

И тут за спинами трех путешественников возник сухой, короткий звук. словно хрустнула под чьей-то ногой ветка. В десяти шагах от берега начиналась полоса негустого смешанного леса, и звук шел именно оттуда.

Себастьяна как подкинуло. У девочки не успели даже искривиться губы в беззвучном крике: «Не ходи!..» — как он метнулся в темные заросли и мгновенно затерялся в темноте. Послышался треск ломающихся ветвей, чье-то шумное дыхание, потом — задушенный писк, в котором нельзя было признать голос Себастьяна.

Собственно, пищал и не он. Ветви расступились, и на берег вышли двое. Один, высокий, держал за шкурку второго — приземистого, с рваным клоком бороды и лукавой круглой физиономией. Плутовство было разлито по ней и сейчас, когда этот бородач находился далеко не в самом выигрышном положении. Себастьян дал ему мощного пинка, и бородач скатился к береговой линии, плюхнувшись в воду спиной. Он лежал и скалил зубы.

— Аюп Бородач! — выдохнул Ржига и прибил ладонью стоявший дыбом пух на голове.

— Аюп Бородач, он самый, — хмуро подтвердил высокий Себастьян. — Шпионил за нами. Тебе чего не спится? Только не говори, что ты следовал за нами ради общего же нашего блага.

— Ты сам все сказал, — все так же по-плутовски скалясь, отозвался Аюп Бородач из лежачего положения.

Себастьян подошел к нему, схватил за одежду, встряхнул, поставил на ноги. Макушка коротышки приходилась

рослому пареньку чуть выше пояса. По этой-то макушке Себастьян хлопнул ладонью и спросил отрывисто:

— Где был, что видал, старина Аюп?

— Да чтоб мне бороду на паклю пустили! — выразительно начал тот, блестя маленькими глазками и активно работая нижней челюстью. — Ты же знаешь, что мне вменено в обязанность ходить за тобой повсюду, иначе зачем я нужен? Вот только, правда... — Аюп Бородач потупил глаза и выдавил: — Когда вы полезли за стену на Языке Оборотня, мне за вами не хватило духу... Это... Как его...

— Последовать, — подсказал бойкий Ржига.

— Во-во...

Себастьян не стал дожидаться, пока незадачливый Аюп подберет слова. Он крепко взял его за бороду, притянул эту лукавую круглую морду прямо к своему лицу, к широко расставленным темно-синим глазам, и произнес с расстановкой:

— Что бы ты ни видел — этого не было. Понятно? Ты еще должен радоваться, что я не полез в лес с рогатиной и не пропорол тебе брюхо.

— Ну, меня даже на мясо не пустишь, — с примирительной ноткой отозвался Аюп Бородач. — У меня и кровь-то жиденькая, как помой. Не то что у тебя — вон как кровяща-то хлестала.

— Это все от любопытства, — хмуро ответил Себастьян и погладил рассеченную щеку. — И давайте уберемся отсюда поскорее, пока то, чего не бывает, не случилось с нами снова...

Глава 2

СЛЕДЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Он совсем не помнил своих родителей. Конечно, он знал, что они были, что они не могли не существовать. Потому что в этом занимательном мире только очень нежная близость мужчины и женщины могла породить вот такого, как он. Высокого, темноволосого и темноглазого, с тонкими запястьями, с высоким лбом. Застенчивого, юношески

нескладного. То угрюмого, то веселящего всех окружающих до судорог — но и в последнем случае он редко давал себе труд даже улыбаться. Иногда Себастьян садился у узкого, похожего на бойницу окна своей комнаты и начинал представлять, какими они могут быть, — родители его одиночества.

Отец... Ну конечно, он был высок, необъятен в плечах, у него была густая черная борода, в которой запуталось сияние небес, в которой заблудились капельки холодного моря. Несомненно, у него была отменная стать и при этом отточенная пластика дикого зверя. Зажмурившись, бледный Себастьян осознавал, что на самом деле все это чушь, чушь оголтелая, и, скорее всего, был его папаша каким-нибудь мелкопоместным дворянчиком. Гордым, как демоны Омута, да нищим и голым, как дешевая соленая селедка ценной в две медные монеты. Раскидывал свое семя куда ни попадя. И за последствия его проращивания не отвечал. Так, наверно, и появился на белый свет Себастьян.

Но мальчишке хотелось мечтать о том, что все было иначе. Что может сбыться даже самая высокая, самая небывалая мечта.

Что бывают в мире чудеса.

Ему казалось, что он немного помнил свою мать. Совсем чуть-чуть. Она и была этим чудом, по крайней мере, осталась как чудо в памяти своего единственного сына: два крыла темных волос, ласково обнявшие тонкое лицо; темные бархатные глаза, растворившие в себе теплую летнюю ночь. Он помнил, как шевелились губы, легко выпуская нежные, тихие слова: «Сынок, когда ты вырастешь, ты узнаешь».

Себастьян действительно любил узнавать. Он был болен неотступной — и едва ли способной уняться даже от самого большого глотка — жаждой всего нового. Часто это было лишь легкое мальчишеское любопытство. На уровне детской шалости. На уровне веселой вседозволенности — лишь бы сунуть свой длинный нос в пыльные складки бытия.

Но порой вступало иное. Тяжелое, недоуменное чувство познания. И тогда Себастьян часами одолевал вопросами

тех, кто мог ну хоть что-то ответить: и своего наставника, пыльного мэтра Карамотля, и толстяка повара Жи-Ру, а порой и самого опекуна, барона Армина. Он совал им в нос какую-то растрепанную книжку с силуэтом какой-то птицы на переплете.

Скучный, вечно простуженный мэтр Карамотль только отмахивался от вопросов типа: «Возможно ли построить такой корабль, чтобы достать до дна Омута?» или «Говорят, что близ Столпов Мелькуинна плавают огромные ледяные горы, которые не тают, даже если вокруг них кипит море?».

Мэтр бесконечно сморкался, ежился и бормотал:

— Тсс! Это все чушь. Блажь. Не слышал ни о каком Омуте. Нет такого. И какие еще ледяные горы? На такие вопросы тебе и в Школе Пятого окна отвечать не будут... Кипящее море... Тьфу! А тебя и во Второе окно не хотели принимать...

Впрочем, даже если мэтр Карамотль и захотел бы ответить на вопросы бледного и сосредоточенного Себастьяна, то едва ли смог бы. Этот длинный, тощий зануда предпочитал не поднимать носа от пыльных томов, из которых черпал свою сомнительную книжную мудрость.

Все новое и свежее вызывало у него оторопь и испуг старой девы, которую вдруг окунули в речку.

Он не любил Себастьяна и относился к нему с подозрением. Время от времени он вспоминал, что в год рождения мальчика, а также за год до этого в городке и в окрестностях пропали то ли четыре, то ли шесть девушек. Кроме того, был не рыбный год, и разорились три рыбацкие артели. Что-то в этом есть...

Мэтр Карамотль рассуждал об этом так, словно во всем был виновен лично Себастьян.

И в пропаже девиц, и в разорении рыбаков.

Эту ахиною он мог нести в ответ на практически любой вопрос мальчика.

Опекун Армин не интересовался ни вопросами Себастьяна, ни пыльными книгами с изображением птицы. Крыла-

тые создания вообще привлекали его ощипаннми и в жареном, а лучше тушеном виде.

Кстати, о еде: толстый повар Жи-Ру был куда более информативен, чем зануда Карамотль и барон Армин.

В свое время он двадцать лет отходил коком на судах его королевского величества и оттого умел отвечать на любой вопрос, не сморгнув. Помимо богатого опыта, он имел за душой семь тысяч отменных рецептов, которые щедро сдабривал вдвое большим количеством загадочных историй. Дивных и давних легенд. Страшных сказок и занимательных баек. Словом, в окрестностях не было той глупости и сплетни, которую не мог воспроизвести повар Жи-Ру.

От него-то и наслушался Себастьян...

Ну а помощник Жи-Ру, повар второй руки Ржига, быстро перенял у шефа и манеру с важным видом нести самую ослепительную небывальщину, и привычку надувать щеки. И даже разухабистую «штормовую» походку.

Вот этот Ржига и был самым близким — нет, не другом, наверно, просто приятелем Себастьяна. По крайней мере, именно он, этот шустрый и шумный ушастый парень, более остальных подходил под сомнительное определение «приятель Себастьяна».

Нельзя сказать, чтобы Себастьян принимал его всерьез. Все-таки когда рядом крутится брешак-полукровка, каким и являлся ловкий Ржига, — сложно вообще сохранять серьезность. С другой стороны, сам Себастьян был таков, что по нему и не всегда можно было определить — всерьез он или шутит.

Так или иначе, но полукровка и Басти (таким именем-огрызком Ржига именовал воспитанника барона Армина) нашли друг друга. Вот уже три или четыре года вместе лазали по окрестностям, вместе издевались над челядью, вместе дразнили охотничьих тварей барона Армина. А однажды — тоже вместе — даже попытались пролезть в одну из астуанских башен. Точнее, в ту, Малую, на отшибе. В которую никто не мог найти дороги.

Когда об этом узнал барон Армин, он отреагировал странно. Орал, подпрыгивал, лупил глаза, вертелся и пле-

вался во все стороны, как будто из него изгоняли злокозненного демона: «А-а-а, лопни мое чрево! Вы что, не понимаете, если узнают там! То...»

Жиденькая экспрессия опекуна была понятна: сам владелец Корнельский, хозяин астуанских башен, очень не любил, когда совали нос в его владения. Поварята на кухне болтали, что хозяин башен якобы отдал Малую в пользование барону Армину, и тот охотно принял высокую эту милость.

Конечно, это была полнейшая чушь. Но стоило, помнится, болтливому Ржиге упомянуть об этом сомнительном факте, как с проклятием, не делающим чести даже пьяному конюху, барон Армин опрокинул его тычком в грудь. И, повалив на дощатый настил, стал истово пинать ногами:

— Когда ж я тебя, отродье плешивого оборотня, научу не совать свой обляпанный золой нос не в свои дела! Кишки Илу-Марта! Пшёл отседова, а! Еще раз, и отправишься прямиком в трудовики!

Такая угроза могла бы выбить сноп искр даже из наковальни. Трудовики, или трудовые рекруты, поступавшие в распоряжение славных великих интендантов, пропадали на двадцать пять лет. Это было славное время свершений. Для многих — безо всякой иронии. Бывало и такое, что люди приходили к приземистым корпусам интендантств, притаившимся в массиве городских зданий, и сами просились в Трудовую армию. Но чаще принимали вызов о том, что надлежит явиться для несения военно-трудовой повинности, со стоическим смирением: так надо.

Понятие долга перед державой вообще было очень сильно развито у жителей Альгама и Кесаврии, подданных твердого Руфа. Они любили свою родину.

И это не шутка.

У Себастьяна и Ржиги с шутками был полный порядок, зато со смирением — куча трудностей. Понятно, что обычный послушный мальчик не полезет на Язык Оборотня. И даже не станет искать туда дорогу. Это не его ума дело — выяснять, насколько домыслы рыбаков-артельщиков о пресловутых чудящах-суррикедах соответствуют ис-

тине. Мало ли что брешут длинные рыбацкие языки? Один из них вообще рассказывал, что барон Армин на завтрак ест детские печенки, которые с большим мастерством приготавливает его повар Жи-Ру. «И, кажись, по рецепту из самой Токопильи! — глубокомысленно уточнял рассказчик. — Рецепт тот придумали в ордене Рамоникейя, а привез его, значит, в наши края сам старый Бреннан, владетель Корнельский!»

У Ржиги, который и принес эту сплетню из знаменитой таверны «Баламут», тогда еще хватило ума спросить у повара Жи-Ру:

— А правда, что ты знаешь рецепты, по которым готовят печенку?

Повар выплеснул на него ушат с помоями.

Кстати, еще неизвестно, что сделал бы сам добрый барон Армин с незадачливым брешаком в том случае, если бы он узнал, сколь глубоко трое любопытных заглянули четыре года назад за Язык Оборотня. Дело в том, что славный барон Армин даже и предположить не мог, что ребята там действительно были.

Не потешили свое детское воображение страшными сказками, а направились прямо в сердце беды.

Теперь, по прошествии такого количества времени, все трое участников похода в Малую Астуанскую башню просто предпочитали не вспоминать о нем. Как будто ничего не было. Как будто все это — мертвые и живые суррикены, черные тени и шепоты в ночном саду, камни старого донжона и алые глаза чудовища, рассеченные золотыми зрачками, — было лишь видением. Словно разговор четверых влиятельнейших людей страны, неожиданно приключившийся в таком неподобающем месте, — всего лишь чей-то нетвердый пересказ из школьной хрестоматии о делах легендарных, давних, а оттого имеющих мало общего с действительностью.

Некоторые фразы из этого разговора навсегда засели в мозгу Себастьяна. Однако он не повторял их даже про себя. Зачем повторять то, что все равно никогда не забыть?..

Он отлично помнил и свое обещание, данное там, на бе-

регу залива, под светом молодой луны: «Я все равно узнаю, что это за тварь». Теперь он не знал, с какой стороны ухватиться за это обещание, данное при двух свидетелях. Ах да... при трех. Еще был Аюп Бородач. Впрочем, единственным, кому он хотел бы дать отчет в тех словах... Точнее, единственной... Конечно, это была Аннабель.

Былая грубоватая привязанность, полудетское стремление покровительствовать ей по праву сильного — все это, кажется, претворилось в нечто более серьезное. И тут Себастьян тоже предпочитал не подбирать слов. При одной мысли об Аннабели он стискивал зубы. Вот уже года три она не жила в доме своего отца, барона Армина: он отправил ее в город к некоей тетушке Марл... э-э-э... Барл или Карл. Эта тройная тетушка, по мысли родителя, должна была дать девушке отменное воспитание.

Сам Себастьян ездил в центр их провинции крайне редко: от прибрежных поселений, где располагался дом и участок Армина, их отделяла полноводная река Тертея и два дня пути. Себастьян даже вызвался идти добровольцем на строительство моста, который возводил через эту реку пятый полк Трудовой армии: после того как мостовое сооружение введут в эксплуатацию, расстояние до города сократится втрое.

Естественно, ни в какую Трудармию он не попал. Опекун, отозвавший просьбу воспитанника из местного интендантства, очень доступно объяснил Себастьяну мотивы этого поступка:

— Черный Илу-Март и все его псы! Сожри меня жабья плесень! Я понимаю, что твои мозги годятся только на то, чтоб вбивать костыли и сваи, или что там городят эти работы из Трудармии! Но я... Я не позволю тебе вырасти окончательным оболтусом! Да! Нет!.. Нет, я поступлю иначе!.. Ты все-таки окончишь ну хотя бы школу Второго окна... пока тебя не вышибли пинком в дверь! Это непременно сделали бы, если бы не мое доброе имя. Все ж знают, на чем попечении ты находишься, и терпят тебя из уважения к моим сединам!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог.</i> Дождевые капли от сердца	5
Часть первая. ДЕТИ НАДЕЖДЫ	14
Часть вторая. ОТЦЫ ПОГИБЕЛИ	187
<i>Эпilog.</i> Шаг к Цитадели	375